

Страхи Сунь Фэя, как видно, оказались напрасны. С той поры Цзи Саньмэй исчез без следа, его высохшие останки были кем-то подобраны и преданы земле. Девушки Чжуиня погоревали немного и постепенно забыли это имя; если же кто изредка и вспоминал, то лишь для того, чтобы тяжко вздохнуть и посетовать на несправедливость судьбы.

И вот незаметно пролетело восемь лет.

За эти годы расклад сил на континентах не претерпел больших изменений. Чжуинь и Юньян, как два континента, где духовные практики были в особом почёте, по мощи стояли примерно наравне, и если между ними иногда возникали трения, то лишь мелкие стычки — ничего похожего на ту кровавую мясорубку, что была восемь лет назад в битве при Линтине.

В сравнении с Чжуинем, всецело поглощённым даосским самосовершенствованием, культура Юньяна была куда более восприимчивой. Конфуцианство, буддизм и даосизм развивались здесь бок о бок, что порождало нескончаемые споры. Учёные мужи странствовали, проповедуя учения Будды, конфуцианскую мудрость и даосские каноны, каждый отстаивая свою точку зрения, — картина поистине процветающая.

Однако под солнцем тени живут привольно.

В западной части главного города Юньяна стояла ничем не примечательная ссудная лавка.

Стояло начало лета, цикады ещё не успели разойтись вовсю, и лишь одна-две, поспешив, изредка тянули свою монотонную песню, которая, не встретив ответа, быстро затихала в зное.

Несколько подёнщиков, выстроившись в ряд, доставили на телеге несколько холщовых мешков во внутренний двор лавки. Парень, что шёл впереди, громко крикнул: «Товар доставлен!»

Из каморки во дворе, словно призраки, вынырнули шестеро-семеро людей в белых головных повязках. Один из них, с родинкой на лице, явно был старшим. Скрестив руки на груди, он стоял в стороне, бросил взгляд — и остальные, разбившись на пары, ловко ухватили мешки за концы и швырнули их на землю.

Упав, мешки заметно зашевелились, точно коконы, из которых вот-вот выйдут бабочки.

Парень-возница принялся отряхивать обшлагом рукава голенища сапог, громко похлопывая, и в то же время небрежно, будто между делом, расхваливал товар: «Партия — одно загляденье. Уйдут на ура, да и след простыл».

Мужик с родинкой тоже не стал церемониться, наугад развязал один мешок и заглянул внутрь.

На свет божий выглянул ребёнок лет восьми-девяти. И вправду видный — алые губы, белые зубки, — но взгляд туповатый, словно у ошалелого цыплёнка.

Оценив качество товара, мужик с родинкой удовлетворённо кивнул: «По барышу сойдёмся».

Парень лихо поклонился: «Благодарствую!» Сказав это, он нагнулся, развернул пустую телегу, и ватага молодцев с грохотом покатила прочь — крепкие, жилистые ноги дружно зашагали за поворот и вмиг скрылись из виду.

Высунувшегося «ошалелого цыплёнка» запихнули обратно в мешок, и люди в белых повязках понесли мешки внутрь дома.

Для непосвящённых это была обычная ссудная лавка, но знающий человек с первого взгляда понимал: здесь ещё и частный невольничий рынок, тёмное дело торговли живым товаром.

Пройдя через задний двор, покрутившись по нескольким коридорам, попадаешь в совершенно иной мир. Вопреки ожиданиям темноты и сырости, здесь разместился уютный дворик с мостиком и ручейком, весьма изящный. В момент, когда ворота закрылись, бамбуковая трубка-сисуй, наполненная водой, опустилась, ударив по каменной подставке, и брызги, подобные рассыпавшемуся жемчугу, сверкнули на солнце.

Дворик этот указывал на особый, высокий статус сего невольничьего рынка. Большинство рабов, проданных отсюда, шли не на тяжкий труд, а к богатым и знатым господам — для улады взора и иных утех.

Вновь прибывших «ошалелых цыплят» разом вытряхнули из мешков. Люди в белых повязках, взяв по одному, повели их в мыльню — отмыть да причесать, чтобы товарный вид был.

Люди разошлись, оставив на земле беспорядочную грудку верёвок и пустых мешков — зрелище неопрятное. Мужик с родинкой нахмурился и рывкнул в сторону одной из каморок: «Цзи Саньмэй!»

Из двери, навстречу свету, вышло дитя в простой одежде, словно само излучая лёгкое сияние слоновой кости. Тёмные, густые волосы небрежными прядями спадали на плечи, весь облик дышал ленивой грацией.

Ему было всего семь или восемь, но в каждом движении уже сквозила красота, от которой захватывало дух.

Мужик с родинкой, однако, остался к этой красоте совершенно равнодушен: «Прибери этот хлам».

Цзи Саньмэй покорно кивнул, острый бугорок верхней губы смотрелся утончённо: «Слушаюсь».

Отдав распоряжение, мужик с родинкой прошёл в мыльню — принимать «товар».

Голые детишки в клубах горячего пара выглядели жалко, их тонкие, похожие на богомолки, ножки дрожали. Мужик с родинкой с удовольствием наблюдал за их страхом, широко ухмыляясь.

Люди в белых повязках усердно скребли мочалками нежную кожу «товара», словно норовя стереть её до костей. Один из них, работая, бросил взгляд в окошко наружу.

...Цзи Саньмэй, присев на корточки, собирал хлам.

Он был здесь новичком, и происходящее вызывало у него недоумение.

По логике вещей, чем пригляднее «товар», тем выше за него цена. Малейшая царапина — и цена падает. Поэтому грязную, тяжёлую работу обычно поручали тем, кто попроще видом, да и цена на них была невысока.

Он никак не мог взять в толк, почему мужик с родинкой так любит гонять именно Цзи Саньмэя.

Думая так, он не удержался и спросил вслух.

Мужик с родинкой удивлённо на него покосился и ответил, как о чём-то само собой разумеющемся: «С его-то заурядной внешностью? Почему бы и не погнать?»

Человек в белой повязке в недоумении опустил взгляд на трепещущего в его руках ребёнка, которого начальник только что хвалил за «видность», затем снова посмотрел на Цзи Саньмэя, трудящегося снаружи.

На солнце прядь волос Цзи Саньмэя соскользнула из-за уха на щёку, и по лицу его разлилась невыразимая словами красота.

Разница между жемчужиной и рыбьим глазом была настолько очевидна, что дальше некуда.

Человек в белой повязке молча сделал вывод: со вкусом у начальника явно творится что-то неладное.

Когда «ошалелых цыплят» отмыли, каждый получил по нижней рубахе. Теперь они походили на обвалынные в муке и готовые к жарке блинчики-спринг-роллы.

Их всех затолкали в одну каморку.

В комнатке, битком набитой хорошенькими детишками, яблоку негде было упасть. Все были одеты в одинаковые белые нижние рубахи, и от этого сплошного белого полотна рябило в глазах — словно попал в курятник к белым курицам.

Живые «белые цыплята» подняли настороженные глазки, окинули новых соседей оценивающим взглядом с ног до головы, но, быстро потеряв интерес, вновь опустили головы, погрузившись каждый в свои думы.

«Ошалелые цыплята» понемногу приходили в себя и начинали осознавать своё положение.

Самый младший громко разревелся, задав тон всеобщему унынию. Вновь прибывшие, по двое-трое, принялись всхлипывать, оплакивая своё неизвестное будущее.

Остальные «белые цыплята» нимало не беспокоились и лишь молча отодвигались подальше от самого горластого плаксы.

Вскоре один из людей в белых повязках уловил доносящиеся из-за двери причитания. Схватив увесистую дубину, он распахнул притворённую дверь, мгновенно вычислил самого громкого и принялся лупить его дубиной по бокам и пояснице.

Места эти скрытые, одеждой прикрытые. Побьёшь — не видно, на продаваемость не повлияет.

Да и вообще, если и повредишь «товару» поясницу — невелика беда.

Эти маленькие рабы, коль уж лица у них такие пригожие, чаще всего шли на продажу знатым господам в качестве детских наложниц или наложников. В Юньяне к мужской любви относились спокойно, и некоторые аристократы с особым вкусом любили коллекционировать хорошеньких мальчиков. Повреждённая поясница не мешала им прислуживать, а даже придавала дополнительную слабость, томность, сродни нежной иве, колеблемой ветром, — что некоторым господам очень даже по нраву.

«Чего разревёлся, пострелёнок?!» — Дубина опускалась, словно пест в ступе, сопровождаемая

грубым рёвом. — «Ещё пикни — язык вырву!»

Угрозы и побои подействовали мгновенно. Когда человек в белой повязке, забрав дубину, грузной поступью покинул комнату, не осталось ни единого смельчака, кто осмелился бы издать лишний звук. Рыдания были проглочены и застряли где-то в тонких глотках, безнадежно там перекатываясь.

Остальные дети отнеслись к происходящему как к чему-то само собой разумеющемуся.

<http://bllate.org/book/16281/1466038>